

Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому (Ин.1:51).

В воскресном евангельском чтении мы слышали слова Господа Иисуса Христа об отверстом небе. Кто из нас не пожелал бы войти в него! Для того мы и созданы, чтобы наследовать Царство Небесное; к тому мы и призваны, чтоб заполнять те опустевшие места, откуда пали злые ангелы; для того и небо отверсто, чтобы входить в него.

Но как мы можем входить в отверстое для нас небо, не имея крыльев, чтобы взлетать в высоту небесную? Мы ведь не Ангелы, но люди, обремененные тяжестью тел. Да и Ангелы, хоть и крылья имеют, но, согласно нынешнему чтению из Святого Евангелия, не взлетают на небо, а восходят: будете видеть и Ангелов Божиих восходящих..., а не взлетающих.

Этот евангельский образ указывает христианам на два условия праведной жизни – созерцание как богомыслие и деятельность как трудолюбие. Богомыслие – это крылья ангельские, трудолюбие – путь восхождения. Недостаточно для нас на крыльях богомыслия взлетать ввысь, подобает и ногами трудолюбия восходить. Ведь и Ангелы восходили, чтобы всякий желающий мог с земли взойти в отверстое небо. Слава Богу, что отверсто для нас небо, только да не ленимся сами входить в него.

Отныне, – сказано, – будете видеть небо отверстым. Что значит отныне? Это значит, с этой Святой Четыредесятницы как времени особого воздержания и молитвы. Воздержание называют основанием всех добродетелей. Воздержание в пище да будет одним основанием духовной лестницы, покаяние же да будет другим основанием этой лестницы – как пост от злых дел. Это два бруса, между которыми крепятся ступени добродетелей.

Зачем надо воздерживаться в пище? Известно, что пост иссушает наше тело, ослабляет в нас плотские вожделения, греховные страсти, тем самым укрощает всю вражескую силу, ратующую против нас. Поститься в пище надо именно для того, чтобы, иссушив в себе болото плотских вожделений, одолеть и победить силу и крепость дьявола, воюющего с нами в первую очередь через наше собственное тело.

Зачем надо воздерживаться от злых дел? Подобаает знать, что у злых дел два вида: одни совершаются от немощи, например от плотского сладострастия.

Другие же злые дела совершаются от некоторой особенной злобы, как-то: грех зависти, убийства, грех грабежа и лихоимства, грех поедания и истребления ближнего; и это есть злейшие грехи, тяжелейшие первых. Ибо грехи плотского сладострастия – это грехи немощи человеческой, которые воздержанием в пище укрощаются; грехи же, совершаемые по злобе, суть грехи вражды сатанинской.

Истинный пост есть отчуждение от зол, воздержание языка, отложение ярости, лжи и клятвопреступлений. Без этого духовного поста первый пост не принесет пользы. Молитва, милостыня, милосердие, дружелюбие, боголюбие, смирение, чистота, целомудрие и иные подобные этим добрые свойства и дела, а также внимательное соблюдение всех заповедей Божиих – все это суть ступени лестницы, ведущей на небо.

Великий проповедник покаяния Иоанн Креститель зывал в пустыне Иудейской, обращаясь к приходящему народу: Покайтесь... сотворите же достойный плод покаяния (Мф.3:2, 8). Что значит достойный плод покаяния?

Как объясняют толкователи, труд покаяния только тогда удовлетворителен, когда уравнивается по тяжести с каким-либо содеянным большим грехом; и сколько человек поработал прежде греху, столько же он должен поработать Богу. По словам апостола: Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые (Рим.6:19). А святой Григорий называет человека деревом, от плода познаваемым, говоря, что по плодам, а не по листьям или по корням по-

каяние узнается. Ведь и Господь проклял дерево, имеющее листья, но бесплодное. Человек, сокрушаясь о содеянных грехах, обретает корень покаяния – помысел и намерение исповедать грехи; листья – это осуществление исповедания Богу грехов перед духовным отцом и обещание исправиться; плоды же – исполнение обещанных трудов. Достойные плоды покаяния те, которые сравниваются трудами своими с качеством и количеством содеянных прежде грехов. Неправедно покаяние того христианина, который некоторым кратким и легким ограничением потребностей своего тела хочет очиститься от долгих и тяжелых смертных грехов.

О, грешный человек, живущий без покаяния в грехах своих, словно в грязи болотной валяющийся, покаяние же свое на будущее время, на старость отлагающий! Если вскоре не покаешься, поверь Ангелу Божию, поклявшемуся, что времени уже не будет (Откр.10:6). Внезапно нападет на тебя смертельная болезнь: захочешь покаяться, а времени уже не будет. Внезапно нападет казнь Божия: захочешь исправиться, а времени уже не будет. Попадешь в руки врагов видимых и невидимых: захочешь поплакать о грехах, а времени уже не будет. Внезапно придет последний час жизни твоей, станут пред лицом твоим грехи: захочешь ты тогда и самое тяжелое принять на себя покаяние, но времени уже не будет. Теперь, теперь, не откладывая, пока есть у тебя время для покаяния, подумай о грехах твоих, покайся по-настоящему, а потом времени уже не будет.

Свт. Димитрий Ростовский

ИВАН БУНИН. "САВАОФ"

Я помню сумрак каменных аркад,
В середине свет — и красный блеск атласа
В сквозном узоре старых царских врат,
Под золотой стеной иконостаса.

Я помню купол грубо-голубой:
Там Савоаф с простертыми руками,
Над скудною и темною толпой,
Царил меж звезд, повитых облаками.

Был вечер, март, сияла синева
Из узких окон, в куполе пробитых,
Мертво звучали древние слова.
Весенний отблеск был на скользких плитах -
И грозная седая голова
Текла меж звезд, туманами повитых.

ОТКУДА В БИБЛИИ РАЗНОЧТЕНИЯ?

Продолжение. Начало в ПЛ №381

НОВОЗАВЕТНЫЕ ВАРИАЦИИ

Новому Завету повезло больше, чем Ветхому. Он писался в ту эпоху, когда книги могли довольно быстро и широко распространиться по всей Римской империи, а потому нам сравнительно легко проследить его раннюю историю. Но и он не свободен от рукописных разночтений. Самое существенное мы встречаем в конце Евангелия от Марка. Многие древние рукописи внезапно обрываются на 8-м стихе 16-й главы: «... (жены-мироносицы) никому ничего не сказали, потому что боялись». В других содержится краткая концовка: «...но возвестили вскоре всё им объявленное тем, кто был с Петром. После чего и Сам Иисус от востока и до запада распространил через них священную и нетленную проповедь вечного спасения. Аминь».

Возможно, рукопись самого апостола Марка действительно оборвалась на середине фразы (рукописи, к сожалению, не только горят, но и тонут, и просто теряются, особенно их последние листы), а его друзья или ученики дописали за него заключительные фразы. И в этом нет ничего ни странного, ни скандального. Ведь Библия стала Библией не потому, что ее написали лично апостолы, а прежде всего потому, что ее признала своим Священным Писанием община верующих – Церковь, которая и донесла ее до нас.

Однако подавляющее большинство разночтений касается буквально одного-двух слов или их порядка. Часто речь идет об орфографических особенностях, особенно в именах собственных. Иногда всего одна буква меняет строй предложения. Например, в 1-м Послании апостола Павла к Фессалоникийцам одно и то же слово в разных рукописях выглядит как ΝΗΠΙΟΙ или ΝΠΙΟΙ (в древности писали именно такими буквами, которые мы сегодня называем заглавными). Если выбрать первый вариант, то смысл всей фразы будет таким: «(мы) были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими». А если второй, то таким: «(мы) были среди вас как младенцы. И как кормилица нежно обходится с детьми своими...» Впрочем, как нетрудно убедиться, общий смысл текста от этого не сильно меняется. В самом деле, все подобные разночтения, даже самые большие, не затрагивают суть христианской веры.

Наконец, расхождения возникают еще и между переводами, ведь всякий сложный текст может быть понят и переведен на другой язык не единственным способом. Это уже отдельный разговор, и мы к нему вернемся в главах с 16-й по 19-ю, а пока отметим лишь вот что: разные переводы могут брать за основу разные варианты оригинального текста. Например, различия между церковнославянской и Синодальной Библией чаще всего объясняются расхождением между Септуагинтой и Масоретским текстом, а различия между Синодальным Новым Заветом и западными переводами – расхождениями между разными новозаветными рукопи-

сями. В любом случае, наше понимание библейского Откровения в огромной степени зависит не только от самого текста, но и от нашей веры и убеждений, от представлений того общества – или той общины – к которой мы принадлежим. Впрочем, это касается не только Библии...

РАЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ЕДИНЫЙ ЛИК

Но что сказать о тех случаях, когда противоречат друг другу не отдельные рукописи или переводы, а разные книги в одном и том же переводе? А порой – и разные места одной и той же книги? Мы видим это с самого начала книги Бытия. Это повествование ведется на образном, поэтическом языке, который во все времена прекрасно понимают дети и влюбленные. В этом рассказе упомянуто и сотворение человека, мужчины и женщины, после всех живых существ, но подробно о первых людях не говорится. Упомянуто только одно принципиальное явление: мужчина и женщина сотворены вместе, одновременно (Быт 1:27).

Зато вторая глава показывает сотворение человека уже крупным планом: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою... И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку... но для человека не нашлось помощника, подобного ему» (Быт 2:7–20). Что же, получается, сначала был сотворен мужчина, потом уже все животные и птицы, а потом женщина? С точки зрения многих современных ученых, здесь перед нами – две версии предания о сотворении мира, существовавшие когда-то самостоятельно и лишь позднее объединенные в едином тексте книги Бытия.

Но неужели тот, кто писал этот текст, был настолько глуп и невнимателен, что не заметил этого противоречия? Да нет, конечно. Видимо, он считал его не противоречием, а двумя взглядами, раскрывающими разные стороны одних и

тех же явлений. Первая глава показывает единство мужчины и женщины, их достоинство как «венца творения». Вторая глава подчеркивает столь важное для патриархальных обществ первенство мужчины, но вместе с тем – нужду каждого человека в другом, подобном ему, чему и служит разделение полов. Первая глава выстроена по хронологическому, вторая – по логическому принципу.

Таких примеров в Библии очень много. Самый известный – четыре Евангелия, то есть четыре книги, рассказывающие, каждая по-своему, одну и ту же историю. В главном они совершенно согласны, но детали повествования могут различаться. Так, о благоразумном разбойнике, который на кресте просил Христа: «помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» – рассказывает один Лука (23:40–43), а Матфей (27:44) и Марк (15:32) кратко сообщают, что «распятие с Ним поносили Его». Противоречие? Да. Но означает оно только то, что два Евангелиста просто ничего не знали об этом разбойнике, а Лука, который, как он сам писал, «тщательно исследовал все» (Лк 1:3), добрался и до этой важной детали.

На самом деле это только подтверждает достоверность Евангелий как исторических свидетельств. Ведь если в суде четыре свидетеля слово в слово повторяют одну и ту же версию, скорее всего, они просто сговорились: четыре человека не могли запомнить одно и то же событие совершенно одинаково. А если каждый рассказ отличается от других какими-то деталями, но совпадает с ними в главном, значит, это действительно правда.

Конечно, и в древности у христиан возникало желание свести все четыре Евангелия в одно, чтобы ничего не упустить. В середине II века некто Татиан даже составил такую «сводную версию», соединив параллельные повествования. Это, кстати, отлично доказывает, что к тому времени каноническими признавались именно эти четыре Евангелия и никакие другие. Его версия получила название «Диатессарон» (от греческого диа тессарон – буквально «по четырем»), но Церковью она была отвергнута. Как и при составлении окончательного текста книги Бытия, было решено сохранить все многообразие голосов, чтобы каждый мог услышать то, что ему сейчас ближе и нужнее.

Может, было бы лучше, если бы ангелы принесли людям некий готовый, совершенно безупречный текст? Но Библия – это Откровение, которое раскрывается в истории избранного народа, Церкви, всего человечества. Раскрывается оно и в истории отдельных людей. Это не взгляд на Бога и человека из холодного космоса, а рассказ о них, созданный живыми людьми для живых людей. Он несет на себе отпечаток личности тех, кто создавал этот рассказ, и тех, кто донес его до нас, и мы сами воспринимаем его по-разному, в зависимости от наших личных особенностей и нашего опыта.

Вот отсюда, в конечном счете, и все разночтения.

Андрей Десницкий

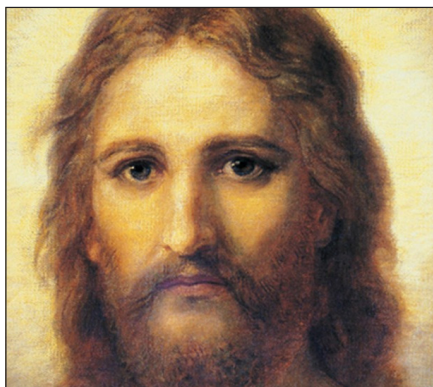

До конца XVIII века никто никогда не выражал сомнения в исторической реальности Христа. Даже противники христианства — евреи и язычники — хотя и вели с самого начала ожесточенную борьбу с христианством, но в исторической реальности Христа никогда сомнений не выражали. Еврейская литература в раннюю христианскую эпоху не содержит ни малейших намеков на это. А язычество долго глядело на христиан, как на особую иудейскую секту. «Мысль же о том, что Христос никогда не существовал, — пишет один из самых компетентных историков раннего христианства P. de Labriolle (в книге *La reaction païenne*), — что Христа надо рассматривать как миф, созданный воображением и видениями Павла из Тарса, — эта мысль никогда не была в мозгах противников христианства». Labriolle называет гипотезу о «не существовании» Иисуса «безумной». Действительно, трудно себе представить что-нибудь нелепее этой гипотезы и если ее защищает кое-кто, то делают это только по бессильной своей злобе противники христианства. Будучи противниками его, они не в состоянии свести к нулю все грандиозное развитие христианства — и когда впервые (в конце XVIII в.) высказана была мысль (французским писателем Dupuis), что «может быть Христа никогда и не было», то за эту мысль ухватились те, кто в ожесточении своем хотел бы всячески унижить или ослабить христианство. Верно, однако, сказал один из крупных немецких историков Церкви, что появление в немецкой печати трудов, отрицающих историческую реальность Христа, является «позором для немецкой науки».

Все же отделаться замечанием (хотя оно и справедливо), что отрицание исторической реальности Христа есть чистая нелепость, невозможно. С тех пор, как в советской России возник и стал действовать союз агрессивных безбожников, как раз на русском языке появилось много книг, с разных сторон нападающих на христианство и ссылающихся на то, что наука будто бы «доказала», что Христа никогда не было. Войдем поэтому в изучение тех «аргументов», которыми противники христианства пользуются в своем отвержении историчности Христа.

РАЦИОНАЛИЗМ, КАК ИСТОЧНИК СОМНЕНИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ ХРИСТА

Сомнениям подвергается прежде всего то, что касается самой жизни Иисуса Христа, — Его рождение от Девы Марии, Его чудеса, распятие и особенно Воскресение Господа. Источник этих отвержений евангельского повествования двойной — прежде всего тот упрямый рационализм, который отвергает все, что не вмещается в рамки нашего разума. Вершиной этого радикального рационализма можно считать современного немецкого ученого Булзмана (Bultmann), который предпринял решительную «демифологизацию» (Entmythologisierung), евангельского повествования. Решительно все черты жизни и личности Христа, которые почему-

либо неприемлемы или малопримемлемы для этих ученых, — все это объявляется мифом, — поэтому «устранение всех мифов» становится лозунгом многих современных ученых, занимающихся христианством. Один весьма развязный, хотя и ученый писатель⁴⁵ прямо заявляет, что «образованный христианин должен устранять из евангельской истории все, что делает ее маловероятной». Это замечание любопытно в том отношении, что оно очень хорошо вскрывает предубеждение тех, кто утерял веру во Христа, как Сына Божия: они заранее отстраняют все то, что могло бы их убедить в том, что Христос — Сын Божий.

Однако, хотя упомянутый автор признает, что «весьма ученые исследователи отвергают историческое существование Христа», но сам он все же убежден в том, что, если устранить из Евангелия все «сверхъестественное», то надо признать, что в Евангелиях перед нами предстает все же «историческая личность человека, сына плотника, который проходит по Иудее с проповедью, исцеляя больных». Weigall признает, что «нет ничего более божественного, чем характер Иисуса, что Его учение может удовлетворить самые высокие требования ума и самые возвышенные искания нашего духа. Но целый мир языческих легенд скопился вокруг этого выдающегося человека». Добавим еще одно признание того же автора: «если когда-либо в истории была оригинальная личность, то это был Иисус».

Все эти признания стремятся устранить все «мифическое» из Евангелия, сводя эти повествования к влияниям других религий. Впрочем сам Weigall заявляет, что «ничто в Евангелии не позволяет думать, что их авторы были в состоянии знать мировую (религиозную) литературу». Это, конечно, верно. Другие авторы более решительны и утверждают (конечно, голословно), что составители Евангелий как раз из мировой религиозной литературы черпали мотивы для своих повествований⁴⁶. Как видим «демифологизация» прежде всего обращается к содержанию Евангелия. Мифическими объявляются рождение от Девы Марии, все чудеса, даже распятие, тем более Воскресение Господа. Мы будем еще иметь случай вернуться к некоторым из этих утверждений. Но, конечно, вершиной всего этого «устранения мифов» («демифологизации») является то, что самое существование Иисуса Христа признается мифичным.

Прот. Василий Зеньковский

ПОСТ

Деревенская усадьба, начало марта, первые недели Великого поста. Дни темные, однообразные. Но это уже канун весны. Я живу затворником, за работой с утра до вечера. «Се тебе, душа моя, вверяет Владыка талант: со страхом прими дар». Нынче я опять не заметил, как прошел мой день. Но вот темнеет, синее за окнами. Усталый, умиротворенный, я кладу перо, мысленно благодаря Бога за силы, за труд, одеваюсь и выхожу на крыльцо.

Сумерки, тишина, сладкий мартовский воздух... Я иду по деревне, додумываю свои думы, укрепляя свои тайные вымыслы, но все вокруг вижу, зорко все замечаю и чувствую — всему открыто мое сердце, мои глаза. Ах да, канун, канун. Даже в зимней угрюмости этих сумерек уже есть весна — в их чуть зримой синеве.

Зыбки серые снега полей за деревней, избы в деревне чернеют смутно, нигде ни одного огня. Темно и в усадьбе, на которую гляжу я, возвратившись из деревни. За усадьбой облаками темнеет под хмурым небом сад. Но и в этом весна — в том, что так поздно не зажигают в деревне огней и что сад похож на тучу, что так хмуры и небо и вершины сада. На выгоне — церковь, там служба. Я подхожу и различаю у церковных ворот парные сани, крытые старым ковром, помешичьи. Тут же, у коновязи, — мужицкие лошади в дровнях, мелкие, лохматые, за зиму обросшие густой шерстью. На снегу возле них — клоки сена, перебитого с конским навозом, и все это пахнет свежо, сыро, по-весеннему. Полевым, нелюдимым гулом гудят голые тополя, возвышающиеся над церковной оградой...

Поднявшись на крыльцо, чувствую тот сложный, особый запах, что бывает только на папертях русских церквей, ранней русской весной. В церкви густое и пахучее церковное тепло, темная стена народа и свет за нею. Там, у большого священника, стоит девушка, та, чьи сани я видел за воротами. Она бледна, свежа и так чиста, как бывают только говеющие девушки, едва вышедшие из отроческого возраста. Ее серо-голубое платье приняло от блеска свечей зеленоватый, лунный тон. На спине лежит черная коса. Озарен нежный овал лица и густые ресницы, поднятые на образа иконостаса. От каких грехов очищается она постом, стояниями, своей бледностью? Что за чувства у меня к ней? Дождь она мне? Невеста?

В темноте возвращаюсь домой и провожу вечер за книгой, в мире несуществующем, но столь не разделенном со всем, чем втайне живет моя душа. Засыпаю с мыслью о радостях завтрашнего дня...

Ей, Господи, не даждь ми духа праздности, уныния. Больше мне ничего не надо. Все есть у меня...

Бунин И.А.

Расписание богослужений с 26 февраля по 4 марта 2018 г.		
26 февраля Понедельник	Прп. Мартиниана	
27 февраля Вторник	Прп. Авксентия	
28 февраля Среда	Ап. от 70-ти Онисима	8:30 Утреня. Часы. Изобразительны. Исповедь. Вечерня с Литургией Преждеосвященных Даров <i>/иерей Александр/</i>
1 марта Четверг	Мчч. Памфила и иже с ним	
2 марта Пятница	Вмч. Феодора Тирона. СЩМЧ. ЕРМОГЕНА, ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ, ЧУДОТВОРЦА	8:30 Утреня (полиелей). Часы. Изобразительны. Исповедь. Вечерня с Литургией Преждеосвященных Даров. <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Утреня. 1 час <i>/иерей Андрей/</i>
3 марта Суббота	ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ. Свт. Льва, папы Римского	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Иоанна Златоуста. Панихида <i>/иерей Андрей/</i> 17:00 Всенощное бдение <i>/все священнослужители/</i>
4 марта Воскресенье	НЕДЕЛЯ 2-Я ВЕЛИКОГО ПОСТА. СВТ. ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ, АРХИЕП. ФЕССАЛОНИТСКОГО.	8:30 Часы. Исповедь. Божественная литургия свт. Василия Великого. Таинство елеосвящения. <i>/все священнослужители/</i> 17:00 Пассия <i>/иерей Александр/</i>

СВТ. ФЕОФАН ЗАТВОРНИК. ПИСЬМА О ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

76 Святой Макарий есть преддверие святого Исаака Сирианина. Когда мысль несобранная потеряет все пути вхождения во внутреннее святилище, развертывайте сию книгу и читайте. Как по ступеням, поведет она вас в царское жилище и представит светлому лику Царя.

Есть искусство различать помыслы. Ему научитесь здесь в тонко-частном распределении их по родам и во взаимном подчинении. Есть высшая сокровенная область духа. Здесь начато изображение ея в выразительных картинах. Хотите ли узнать корни греха, лживыя изменения страстей? – здесь узнаете.

77 Преподобный отче Исаакие! моли Бога о нас и молитвою твоею озари ум наш разумети высокия созерцания, коими преисполнены словеса твои, и паче возведи или введи в тайники молитвы, которой производство, степени и силу так изображают поучения твои; да, ею окреляемые, возможем свободно теши путем заповедей Господних неуклонно, минуя препятствия, встречаемые на пути, и преодолевая врагов, вооружающихся на нас.

78 В Евангелии каждый день положено прочитывать одно зачало. Это урок Святой Церкви чадам своим. Надо изучать... Утром, когда душа свободна от сторонних впечатлений, с молитвою о вразумлении принимайте внима-

нием в сию таинницу судов Божиих и смотрите, что речет чрез сие мертвое будто слово выну живой Господь...

Есть люди, кои мысли, выбиваемая Словом Божиим из сердца, как искры выбиваются огнем из кремня, записывают на память, в той вере, что это суть наставления, предлагаемая Ангелом Хранителем. И действительно так. В час нужный такая мысль будет насущным хлебом для души. И тот, кто не опускает их, делает тоже, что тот, кто забирает денежку про черный день. У одного старца были исписаны все стены такими мыслями. В монастыре св. Саввы близ Иерусалима есть много рукописных сборников отеческих изречений. Все они, можно сказать, такого происхождения. Вы уже знакомы с ними. Посмотрите, напр., вторую статью Маргариты. Если б и не было надписи, вы могли бы догадаться, что все сии изречения родились в душе при чтении писаний отеческих, откуда взяты иногда слово в слово, иногда выражены своею речью. В статье одиннадцатой, иерея Божия Леонтия, собраны мысли, возбуждаемые в душе при чтении Слова Божия преимущественно. Так поступать ведь всякому можно. Зачем же дело? Положить только правилом надо, и пойдет.

81 «Как различить, что есть действие благодати и что собственное желание пребывать в добре?»

Нет нужды и различать. Жизнь истинно-христианская устроится взаимно – благодатию и своим желанием и свободою, так, что благодать, без свободного склонения воли, ничего не сделает с нами,

ни свое желание, без укрепления благодатию, не может иметь ни в чем успеха. Обе они сходятся в одном деле устроения христианского жития; а что в каком деле принадлежит благодати и что своему желанию, это до тонкости различить трудно, да и нужды нет. Ведайте, что благодать никогда не насилует свободного произволения и никогда не оставляет его одного, без своей помощи, когда оно того достойно, имеет в том нужду и просит о том. Господь близ! Молитесь! Есть жизнь безблагодатная, похожая на благодатную. Различие их – во внутреннем настроении сердца и крепости нравственной. Где та или другая, распознает одно око Божие. А нам на себя смотреть должно и болезненно ко Господу взывать: о Господи, спаси же, о Господи, благопоспеши же!.. Пустое любопытство лучше прочь гнать.

